

В кино — хэппи энд, дома — скандал

Драматургу Эмилю Брагинскому сегодня 75. И это чуть ли не единственный для него повод изменить своему правилу:

как можно реже появляться на страницах газет. Поскольку о своих заслугах Брагинский предпочитает скромно умалчивать...

— Я начинал довольно банально. В детстве что-то писал — стихи, рассказы. Но почти все дети что-то пишут. Слава Богу, у меня хватило ума завязать с поэзией. Это, кстати, очень важно: вовремя осознать, что каким-то делом ты не должен заниматься. Многие не понимают этого до конца своих дней... А потом было все, что обычно предшествует карьере писателя. Высшее юридическое образование, четыре курса медицинского, семь лет журналистской работы в «Огоньке» и долгие попытки о себе заявить. Я ходил по театрам и безуспешно предлагал свои произведения. Нет, меня не критиковали, не ругали. Меня просто не читали. И это была самая большая неприятность. Но (я очень люблю эту фразу) жизнь без неприятностей — неприятная жизнь.

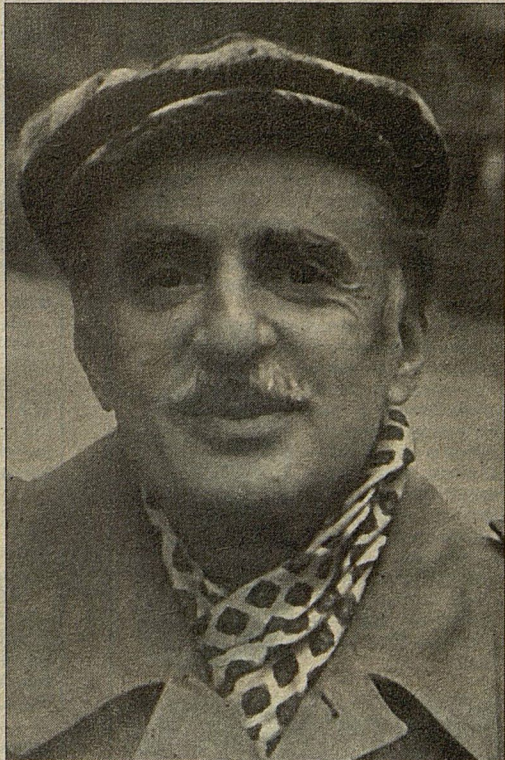
— У вас есть собственный рецепт борьбы с неприятностями?

— Не надо на них реагировать — вот и весь мой рецепт. И потом, не каждая неприятность при ближайшем рассмотрении таковой оказывается. Вот вам пример из жизни. Когда-то в журнале «Театральная жизнь» вышла передовая статья, в которой травил замечательного драматурга Александра Володина. А в конце говорилось, что Володин не одинок, есть еще Эмиль Брагинский, и их пьесы надо раз и навсегда изъять из репертуара советских театров. Я попросил знакомых переснять и увеличить эти строки, застеклил, вставил в рамочку, и много-много лет эта рецензия висела у меня на стене. Потому что лучшей похвалы я не удостоивался.

— Как состоялся ваш дебют в качестве киносценариста?

— Ужасно. Я ни за что не назову вам своего первого фильма, ни за какие деньги! Нет, за очень большие все-таки назову, но вы мне такой суммы наверняка не предложите... От моего сценария в этом фильме ничего не осталось, режиссер все перепелел своими словами. Я даже хотел было снять свою фамилию с титров, но выяснилось, что тогда не получу гонорара. Так что этот позор остался.

— Но в историю кинематографа вы вошли позже — в тан-
деме с Рязановым...

— С Эльдаром мы были знакомы очень давно, задолго до того, как начали работать вместе. Теперь уже ни он, ни я не можем точно назвать дату начала нашего сотрудничества. Но в один прекрасный день мы сели и написали сценарий под названием «Угнали машину». И картину запретили под тем предлогом, что теперь все советские граждане будут без устали угонять машины, купленные на нечестные деньги. И мы снова засели на даче у Рязанова, и как-то сами собой возникли первые фразы пьесы по мотивам нашего сценария. Пьеса была опубликована, и мы получили разрешение на ее экранизацию. Она называлась «Берегись автомобиля», и Рязанову тогда пришла в голову лучшая за всю его жизнь мысль — пригласить на главную роль Смоктуновского. Что было потом — вы знаете.

— Ваши с Рязановым фильмы практически не сходят с экранов. После какого-нибудь двадцать пятого просмотра вы по-другому начинаете смотреть на свое творение?

— Я никогда не смотрю свои фильмы по телевизору. Во-первых, потому что сейчас они все время прерываются рекламой. Во-вторых, все недостатки этих фильмов начинают бросаться в глаза. Я свои картины очень хорошо знаю, мне незачем смотреть их еще раз. А некоторые сознательно забываю, стараюсь вычеркнуть из памяти. Какие — не скажу, не стану обижать актеров и режиссеров.

Но среди картин, которые мне активно не нравятся, есть и весьма любимые зрителями... А сейчас вы меня наверняка спросите про «Иронию судьбы».

— Не спрощу.

— Но будем считать, что спросили. Все спрашивают... Я не знаю, почему этот фильм стал таким популярным. Наверное, это хорошая картина, даже очень хорошая. Но ведь существуют и другие хорошие фильмы. Однако в истории нашего кинематографа другой такой картины, которую показывали бы столько раз и которую бы так ждали зрители, нет. Думаю, это интересная тема для какого-нибудь исследования...

— После того, как поставлена последняя точка в сценарии, вы как-то вмешиваетесь в съемочный процесс?

— Ни в коем случае! Я высказываю свое мнение, но последнее слово всегда остается за режиссером. На съемках меня можно увидеть крайне редко. Потому что мне всегда кажется, что все неверно, все не так и что я бы все поставил совершенно иначе (хотя, конечно, я не умею этого делать). И еще я страшно нетерпелив — это мой главный недостаток. Поэтому, пока режиссер снимает, я сижу дома и пишу что-нибудь новенькое.

— Но, по-моему, эта работа тоже требует некоторого терпения...

— Да, но я же не сижу целыми днями за столом, как приклеенный. У меня творческий процесс несколько другой. Обычно я долго-долго хожу по комнате взад-вперед, потом лежу на диване. Потом опять хожу. И опять лежу на диване. Потом что-то записываю (всегда от руки) и опять хожу по комнате... Вот так я сочиняю.

— Ваша собственная жизнь не привлекает вас как основа для какого-нибудь занимательного произведения?

— Все, что выходит из-под моего пера — выдумка. Я не мемуарист и стараюсь не обращаться не только к своему прошлому, но и к прошлому вообще. Действие моих рассказов всегда происходит сегодня. В моей последней пьесе «Игра втроем» написано: «Действие происходит сегодня. Может быть — вчера. Но не позже, чем завтра». Потому что если я начну смотреть в прошлое — все, привет... Конечно, жизнь невозможна без воспоминаний, но у меня это воспоминания о дорогих людях (большинство из которых, к сожалению, ушли), но ни в коем случае не об исчезнувшем времени. Разумеется, я понимаю, что будущего у меня мало, но при этом имею наглость составлять на него некоторые планы. Хочу еще кое-что написать. Хотя нет никакой надежды, что в обозримом будущем это будет поставлено. Особенно это касается киносценариев.

— Денег нет?

— Вот именно. Несколько режиссеров ходят сейчас с моими сценариями и, видимо, долго еще будут ходить. Их попытки раскрутить на это дело какого-нибудь богатого дядю, как правило, не слишком успешны. Да что там, я и сам иногда пытаюсь найти спонсора. Звоню куда-нибудь, прихожу, и знаете что? Меня всегда очень хорошо встречают, но денег не дают.

— Когда вы садитесь за очередной сценарий, все уже придумано, остается только записать?

— В лучшем случае я знаю только начало и финал своей истории. А иногда даже не представляю себе, чем она может закончиться. Это знают... мои персонажи. Не удивляйтесь, они действительно существуют. А я нахожусь у них под началом. Это не шутка... Я настолько привык к своим героям, что не удивлюсь, если Лукашин и Надя позвонят мне и поздравят с юбилеем, — это был бы ценный подарок. Хотя никакого юбилея не будет.

— Почему?

— Терпеть не могу юбилеи. В них есть что-то похоронное, очень печальное. Это и показная радость поздравляющих, и ответные восторги виновника торжества, и ощущение того, что жизнь прошла, и мысль о том, что вот все эти же слова потом повторят в прошедшем времени... В этот день я с самого утра начну что-то писать, самому себе доказывая, что все еще могу это делать. А вечером мы с женой и моей любимой невесткой Татьяной (я даже иногда думаю, что она моя родная дочь) усядемся за стол. Жаль, что без сына: он сейчас в командировке. Чего-нибудь выпьем, чего-нибудь поедим и о чем-нибудь потрепемся. Конечно, будут телефонные звонки, и, как всякий нормальный именинник, я буду говорить: «Большое спасибо. Очень тронут».

— Вы — семьянин со стажем?

— А как вы думаете, 50 лет с гаком — это стаж или нет? Мы с женой познакомились еще в школе. Она — доктор и просто потрясающая женщина. А ко всем своим прочим достоинствам еще и великолепно готовит. Я же, в свою очередь, очень люблю поесть. И при этом совершенно не толстею. Как говорится, не в коня корм.

— Жена — готовит, а вы?..

— ...ищу овощи, умею пожарить все пригодное для жарки, стараюсь всегда сопровождать свою жену в магазин, чтобы она не носила тяжелых сумок (хотя носильщик из меня некудышный), выношу мусорное ведро. И еще каждое утро гуляю с собакой. Нет, не так. Каждое утро моя собака меня гуляет. Сам бы я ни за что не вышел на улицу.

— Спортом занимаетесь?

— По-моему, достаточно на меня взглянуть, чтобы получить ответ. Да-да, и никогда не занимался. Хотя нет, я очень люблю шахматы (это тоже вид спорта) и футбол... по телевизору. Правда, после инфаркта дал себе слово каждое утро делать гимнастику. И это ужасно. Я просыпаюсь и первым делом ишу предлог, чтобы избежать этой пытки. Потом железным усилием воли все-таки себя заставляю. При этом ненавижу и себя, и гимнастику.

— Жена — ваш первый читатель?

— Точнее сказать, вся моя семья. Но это не читатели, это вреднейшие критики. Каждое обсуждение непременно заканчивается скандалом, который я закатываю. Потом — униженный и оскорбленный — я ухожу и кое-что переделываю. Мир таким образом восстанавливается. Но вслух с их критикой я не соглашаюсь никогда!

— А какие чувства у вас вызывает профессиональная кинокритика?

— Никаких. Современную кинокритику я не понимаю. Когда молодые авторы пишут о моих работах, я зачастую так и не могу разобраться, чего же они от меня хотят, понравилось им или не понравилось? У меня такое ощущение, что они пишут главным образом для себя. А раньше... Была такая забавная история с одним известным критиком. Он пришел на первый просмотр фильма «Берегись автомобиля», а потом, покровительственно потрепав меня по плечу, сказал: «Ничего, ничего, смотреть можно». Теперь он рассказывает, что первым оценил достоинства этого фильма...

— Кроме вышедших на экраны фильмов «Воровка», «Московские каникулы» и «Игра воображения» было снято что-то еще?

— С французским режиссером Жан-Люком Леоном мы сделали картину «Трамвай в Москве». Думаю, это можно назвать авторской работой Жан-Люка: его в этой картине больше, чем меня. Это очень красивый и очень настроенческий фильм. Он, естественно, был показан во Франции, Россия у нас его не купила. Действительно, зачем покупать дорогую новую картину, когда на те же деньги можно приобрести много старых?.. А вот в 1998 году фильм «Слепой дождь» (режиссер Александр Атанесян) по моему сценарию вроде бы будет сниматься аж в Голливуде. Но до этого надо еще дожить.

— Вы и в Голливуде останетесь верны своему принципу: кино — только о хорошем?

— Это даже не принцип, это получается само собой, и я чувствую, что это — нужно. Кто-то ведь должен давать людям отдохновение. Я нормальный человек, мне хочется включить телевизор и увидеть что-то хорошее или, как говорит современная молодежь, оттянуться. Я не люблю жестокое кино, я не люблю фильмов и книг, которые плохо заканчиваются. Моя задача в том, чтобы люди смотрели мой фильм — и у них был праздник сердца, праздник души. Чтобы они забыли, что творится на улице, что наша жизнь полна трагедий и насилия. Утешать человека нужно было во все времена.